

ТЕРРОРИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

С. А. Ланцов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматриваются основные этапы эволюции терроризма на Ближнем Востоке с 40-х годов XX в. до начала XXI в. Отмечается, что терроризм как политическая технология использования насилия для достижения поставленных целей была привнесена на Ближний Восток из Европы после Второй мировой войны. Анализируются идейные истоки терроризма в 60–70-е годы XX в. Отмечается, что в тот период во всем мире и на Ближнем Востоке большую популярность имели леворадикальные идеи. На основе идеологической близости имело место сотрудничество между некоторыми палестинскими организациями и левозстремистскими группировками, действовавшими в других регионах мира. Констатируется, что в конце XX в. в связи с падением влияния леворадикальных идей основным типом терроризма на Ближнем Востоке стал исламский терроризм. Дается сравнительный анализ особенностей деятельности таких террористических организаций, как «Аль-Каида» и «Исламское государство». Отмечается, что при общей идейной платформе между ними имелись структурно-организационные различия. Констатируется, что «Аль-Каиде» присуще внутреннее противоречие между конечной целью — созданием всемирного халифата — и сетевым принципом деятельности. «Исламское государство» преодолело это противоречие путем территориализации в Ираке и Сирии. Отмечается, что как «квазигосударственное» образование ИГИЛ стало уязвимым для контртеррористической борьбы. В заключительной части статьи рассматриваются основные пути противодействия терроризму на Ближнем Востоке в современных условиях.

Ключевые слова: Ближний Восток, терроризм, левый радикализм, правый радикализм, ислам, джихад, халифат.

Во второй половине XX — начале XXI вв. Ближний Восток признавался регионом, в котором наблюдалась наивысшая степень мировой террористической активности. Следует отметить, что ближневосточный терроризм — это не изолированное от внешнего мира и внутренне неоднородное явление. За последние семьдесят лет претерпели существенную эволюцию организационные принципы и идейно-политические установки, которыми руководствовались террористы и террористические организации, действовавшие в странах ближневосточного региона.

ГЕНЕЗИС ТЕРРОРИЗМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

История Ближнего Востока, как и история многих регионов, на протяжении столетий была связана с массированным использованием насилия в политике. В связи с этим истоки терроризма на Ближнем Востоке пытаются найти едва

ли не в библейские времена. Между тем терроризм как совокупность политических технологий по применению насилия для достижения сознательно поставленных целей появилась на рубеже XVIII — XIX вв. «Родиной» терроризма как осознанно применяемой политической технологии стала Европа. На протяжении XIX и XX вв. терроризм существовал и эволюционировал на европейском континенте, именно здесь появились основные его типы и разновидности. При всей несовместимости базовых установок террористов крайне левого и крайне правого толка они заимствовали друг у друга конкретные приемы и средства осуществления террористической деятельности, опыт подготовки и организации террористических акций. Появление терроризма в его современном облике, очевидно, необходимо считать одним из порождений процесса модернизации. Поскольку ближневосточный регион отстал в этом процессе от европейского, то и терроризм как осознанная политическая технология появился там позднее. Трудно назвать точное время и место первого проявления терроризма на Ближнем Востоке. Например, организация «Братья-мусульмане», считающаяся одной из старейших экстремистских организаций в этом регионе, возникла в 1928 году. Ее основатель Хасан аль-Банна главную цель своей организации видел в создании справедливого общества, основанного на принципах «чистого ислама», освобожденного от всех наслоений. Организационные принципы были заимствованы им из опыта европейских праворадикальных партий и движений. Поскольку праворадикальная идеология всегда является питательной средой для появления экстремистских устремлений и, в конце концов, террористической практики, то и эволюция «Братьев-мусульман» пошла в том же направлении. Первоначально организация действовала в рамках легальных возможностей, которые имелись в королевском Египте, но со второй половины 30-х годов XX в. все чаще использовала террористические методы. Члены организации приняли участие в свержении египетского короля Фарука в 1952 году. Но со временем их пути с лидером организации «Свободные офицеры» Г. А. Насером разошлись. Попытка убийства Насера, предпринятая одним из членов «Братьев-мусульман» привела к тому, что эта организация в Египте была разгромлена, хотя и не уничтожена полностью. В дальнейшем «Братья-мусульмане» продолжили свою деятельность, в том числе и террористическую, во многих арабских странах, но их активность была не очень заметна на фоне политических процессов, происходящих на Ближнем Востоке во второй половине XX в. [Успенский, 2019, с. 47–69].

Важнейшей региональной проблемой этого периода оставалась палестинская проблема, и именно она была основой развития терроризма на Ближнем Востоке на протяжении многих десятилетий. Насилие использовалось всеми сторонами арабо-еврейского конфликта в Палестине с момента его зарождения. Но о терроризме как осознанной политической стратегии можно говорить лишь применительно к событиям второй половине 40-х годов XX в., когда решался вопрос о будущем Палестины. В ходе развития конфликта ситуация менялась, но первыми к террористическим методам прибегли не палестинские арабы, а их противники из правосионистской организации «Иргун цвай леуми». В отличие от арабов — коренного населения тогдашней Палестины, еврейская

община в то время состояла в значительной степени из выходцев с европейского континента. Скорее всего, оттуда и были заимствованы террористические приемы и способы достижения политических целей.

В июле 1946 года боевиками «Иргун» был взорван отель «Царь Давид» в Иерусалиме, при этом погиб 91 человек и еще 45 пострадали. Как отмечает американский аналитик Б. Хоффман, «трагедия в отеле «Царь Давид» была столь невероятных масштабов, что до сих пор этот взрыв остается в истории XX века одним из наиболее печально заметных террористических актов, вызвавших большое количество жертв» [Хоффман, 2003, с. 58]. Террористическая акция «Иргун» была направлена против британских властей и преследовала цель добиться создания еврейского государства в Палестине. Хотя эта цель была достигнута не в результате террористической деятельности правых сионистов, а в результате процессов, разворачивавшихся в мировой политике того периода, и при решающей роли Советского Союза, трагедия в отеле «Царь Давид» могла породить иллюзии об эффективности террористических методов. Таким образом, правосионистские террористы из «Иргун» дали пример, которым позже воспользовались противники возникшего в мае 1948 года Израиля. С созданием данного государства арабо-еврейский конфликт в Палестине не был разрешен, а приобрел новое измерение. Он стал арабо-израильским или, как его называли долгое время, ближневосточным конфликтом и получил статус одной из главных проблем мировой политики 50–80-х годов XX в.

Слабой стороной этого конфликта изначально оказались палестинские арабы, не сумевшие создать собственную государственность. Этому помешали недостаточная организованность арабской общины Палестины и политика соседних арабских государств, целью которой было, скорее, уничтожение вновь провозглашенного Израиля, нежели создание арабского Палестинского государства. Так или иначе, арабское государство в Палестине, вопреки резолюции Генеральной Ассамблеи ООН так и не было создано ни в 1948 году, ни в более позднее время. А поражение арабских государств в войнах с Израилем подтолкнули палестинцев к использованию террористических способов борьбы за реализацию своих целей.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 60-80-Х ГГ. XX В.

С 60-х годов XX в. большинство палестинских группировок, объединившихся в 1964 году в Организацию Освобождения Палестины, использовали насильственные действия против Израиля и тех сил, которые его поддерживали. Поскольку цели, которых добивались палестинцы были связаны с задачами национального самоопределения и создания независимого государства, то терроризм, практиковавшийся палестинскими организациями, в целом можно отнести к терроризму этнического типа.

Правовая и моральная оценка этнического терроризма — крайне сложная проблема, решить ее, как уже отмечал автор данной статьи, однозначно невозможно [Ланцов, 2008]. Поскольку помимо идей национального освобождения

террористы могут вдохновляться и иными мотивами, то этнический терроризм нередко переплетается с терроризмом иного типа. В палестинском терроризме 60–80-х годов XX в. можно отметить наличие черт как этнического, так и левого, революционного терроризма.

Ситуация в Палестине и вокруг нее отражала реалии тогдашней мировой и региональной политики. Начиная с 1950-х годов происходил подъем национально-освободительных движений. На политической карте мира, в том числе и на Ближнем Востоке, появились десятки новых независимых государств, перед которыми вставал вопрос о выборе путей общественного развития. В условиях того периода часто это был выбор между «капитализмом» и «социализмом». Капитализм же отождествлялся с Западом, на котором лежала ответственность за национальное порабощение и унижение в колониальном и полуколониальном прошлом. «Социализм», наоборот, казался привлекательным, поскольку отождествлялся с достигшим в то время впечатляющих успехов Советским Союзом, к тому же активно поддерживавшим национально-освободительные движения. В самых разных формах и вариантах идеи социализма в 1960-х годах стали весьма популярны в странах Азии и Африки. Подавляющее большинство палестинских группировок ориентировалось на идеологические концепции светского характера, что отражало общие тенденции к секуляризации, имевшее место в тот период на Ближнем Востоке. весьма популярными были идеи арабского национализма, панарабизма, нередко сочетающиеся с концепциями арабского социализма. Арабский национализм в конкретной ситуации 1960-х годов приобрел преимущественно антизападный и антиизраильский характер, который был особенно присущ насеризму.

Но среди палестинских группировок получили распространение и более левые идеологические концепции, нежели идеи арабского национализма и социализма. Такие палестинские организации, как «Народный фронт освобождения Палестины» (НФОП) или «Демократический фронт освобождения Палестины» (ДФОП), открыто провозглашали свою ориентацию на «марксизм-ленинизм» [Andrew, 1999, p. 143–144]. Эти организации, также как ФАТХ и другие группировки, входившие в ООП после 1967 года, стали совершать многочисленные террористические акции на оккупированных палестинских территориях, в самом Израиле, в Западной Европе и других регионах мира.

Террористическая деятельность противоречила официальной версии марксизма-ленинизма, принятой в международном коммунистическом движении и в Советском Союзе. Но к 60-м годам XX в. монополия СССР на аутентичное толкование марксистско-ленинского учения ушла в прошлое. Идеологические разногласия, возникшие в коммунистическом движении после XX съезда КПСС, привели к появлению многочисленных леворадикальных интерпретаций марксистско-ленинской доктрины. Эти интерпретации допускали использование в целях борьбы за победу «социалистической революции» методов индивидуального террора, что в прошлом для коммунистов считалось неприемлемым. Бывший член ЦК Бразильской коммунистической партии К. Маригелла выдвинул концепцию «городской партизанской войны», ставшей идейной основой деятельности многих террористических организаций [Marighella, 1969].

Параллельно с коммунистическими партиями, ориентировавшимися на Москву, во многих странах стали возникать группировки, заявляющие о необходимости прямого революционного насилия в борьбе с империализмом. Среди них были и организации откровенно террористического типа, такие как «Фракция Красной Армии» (РАФ) в Германии, «Объединенная Красная Армия» [Рэнго Сэкигун] в Японии, «Красные бригады» в Италии. Очень быстро эти организации установили связи как с родственными себе НФОП и ДФОП, так и с другими палестинскими группировками. Террористы из РАФ, «Рэнго Сэкигун» и «Красных бригад» проходили подготовку в палестинских лагерях на Ближнем Востоке. Совместно с палестинцами они организовывали и осуществляли террористические акты. Так, Народный фронт освобождения Палестины совместно с «Рэнго Сэкигун» совершил 30 мая 1972 года нападение на аэропорт в Тель-Авиве, а вместе с РАФ 27 июня 1976 года захватил самолет авиакомпании «Эйр Франс» [Дершовиц, 2005, с. 62, 65]. Имели тесные контакты с палестинскими организациями и западноевропейские террористические группировки этнического характера — ИРА и ЭТА, так же находящиеся под влиянием леворадикальных идей.

Левый терроризм был наиболее заметным типом терроризма в мире вплоть до 80-х годов XX в. Но к концу этого десятилетия активность террористов, вдохновленных леворадикальными идеями революционного преобразования общества стала сходиться на нет. Этому способствовали изменения, происходящие в мировой политике, а именно, кризис «реального социализма» в Восточной Европе и в Советском Союзе, отход Китая от леворадикального курса и переход этой страны к экономическим реформам рыночного характера. Попытка Советского Союза предпринять подобный переход способствовала его распаду. Все это, вместе с коллапсом «мировой системы социализма», подорвало престиж левореволюционных идей во всем мире, в том числе и на Ближнем Востоке.

ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В мировой политике на рубеже 80-90-х годов XX в. произошли радикальные перемены, отразившиеся и на политической ситуации на Ближнем Востоке. Распад Советского Союза и мировой социалистической системы резко снизил популярность левых идеологических концепций. Одновременно на Ближнем Востоке прежние секуляристские тенденции сменились процессом исламского возрождения. Побочным продуктом этого процесса стало распространение идей исламского фундаментализма и радикализма. Обострились социально-экономические и социально-политические проблемы во многих странах региона. Имевшиеся конфликтные ситуации дополнялись новыми как на региональном, так и на глобальном уровне. Американский политолог С. Хантингтон полагал, что в мировой политике XXI в. основными конфликтами станут конфликты между глобальными цивилизациями. В качестве одного из главных конфликтов он видел конфликт между исламской и западной цивилизациями. Хантингтон полагал, что такой конфликт будет развиваться в форме прямого столкновения, в том числе и военного, между исламскими государствами и государствами Запада во главе с США [Хантингтон, 2005]. Прогноз политолога

оказался верным в том смысле, что отношения между исламским миром и Западом на рубеже XX и XXI вв. действительно усложнились и обострились. Но главной угрозой для стран Запада и для международной безопасности стала угроза со стороны исламского терроризма.

Религиозный терроризм исламского толка не был для Ближнего Востока новым феноменом. Как уже отмечалось, «Братья-мусульмане» с 50-х годов XX в. использовали террористические методы в борьбе со светскими режимами во многих арабских странах. Однако эти террористические акции носили локальный характер и слабо влияли на общую политическую ситуацию в регионе. В конце XX в. масштабы террористической активности религиозных экстремистов на Ближнем Востоке стали возрастать. В первую очередь это проявилось в Палестине, где на фоне ослабления леворадикальных группировок набирало силу «Исламское движение сопротивления» (ХАМАС), возникшее в 1987 году на основе местного отделения «Братьев-мусульман» [Beverley, 1996]. Кроме того, можно отметить такие исламистские террористические организации как «Исламский джихад» (Египет и Палестина), «Джама Исламийя» (Египет), «Исламский фронт спасения» (Алжир), активно действовавшие в 70–80-е годы XX в. Все эти организации в идейном отношении были близки к «Братьям-мусульманам», поскольку возникли на основе суннитской версии ислама. В стороне от них стояла «Хезболла», объединяющая приверженцев шиизма. Возникшая в 1984 году под влиянием идей иранской исламской революции «Хезболла» стала одной из наиболее влиятельных военно-политических группировок в Ливане.

Наибольшую известность во всем мире приобрела другая исламистская организация — «Аль-Каида» (организация запрещена в РФ). Появление «Аль-Каиды» отразило важный этап эволюции терроризма как социально-политического феномена. Если ранее террористические организации строились по иерархическому принципу, то «Аль-Каида» сформировалась как транснациональная сетевая структура [Соловьев, 2006.] Это позволило организации, созданной У. Бен-Ладеном, охватить своей деятельностью многие страны как Ближнего Востока, так и других регионов мира. Непосредственная цель лидеров «Аль-Каиды» заключалась в том, чтобы «покончить с “унижением” исламских стран, изгнать США с Ближнего Востока и тем самым приблизить конец поддерживаемых Соединенными Штатами так называемых “манафикун” (лицемеров и предателей) в лице светских авторитарных правителей соответствующих стран» [Соловьев, 2006, с. 25]. Идеологической платформой «Аль-Каиды» стали почерпнутые от Хасана аль-Банни идеи джихада и создания всемирного халифата [Трофимов, 2017, с. 161–162]. По планам «Аль-Каиды» путь к достижению данной цели включал три этапа, а окончательная победа должна была состояться в 2020 году [Сафонов, 2007, с. 79]. Кроме стран Запада и США «Аль-Каида» считала своими противниками Россию, Китай и светские политические режимы в исламском мире. Средством достижения конечной цели был избран терроризм [Сафонов, 2007, с. 80].

Активность «Аль-Каиды», стоявшей за многими громкими терактами начала XXI в., встревожила мировое сообщество. На какое-то время между ведущими государствами мира, включая Россию, Соединенные Штаты и Китай, сложился

консенсус по вопросу о необходимости совместного противодействия терроризму. Однако эффективное контртеррористическое сотрудничество продолжалось недолго. Под флагом борьбы с терроризмом некоторые государства, прежде всего США, пытались реализовывать собственные интересы. Принятая в США после событий 11 сентября 2001 года доктрина «демократизации Большого Ближнего Востока» на практике привела к дестабилизации политической ситуации в ряде стран ближневосточного региона.

Характерным примером является Ирак, куда под надуманным предлогом США и их союзники вторглись в 2003 году. После свержения Саддама Хусейна политическое положение в Ираке дестабилизировалось, в стране начались многочисленные внутренние конфликты. Обострились противоречия между суннитами и шиитами [Иванов, 2015]. Суннитское меньшинство потеряло свое прежнее привилегированное положение и стало подвергаться давлению со стороны шиитов. Это привело к тому, что среди суннитов получили распространение радикальные идеи, в том числе идеология салафистского джихадизма [Яшлавский, 2013]. У светского режима С. Хусейна никаких связей с исламскими террористами, в чем его обвиняли на Западе, не было. После свержения С. Хусейна в Ираке появился новый очаг терроризма. Группа бывших офицеров, изгнанных из иракской армии новыми властями, в 2013 году создали структуру, изначально получившую название «Исламское государство Ирака» (ИГИ), установившую контроль над рядом населенными арабами-суннитами районов. Вскоре новое образование распространило свою деятельность на соседнюю Сирию, где шла гражданская война, и было переименовано в «Исламское государство Ирака и Леванта» — ИГИЛ (организация запрещена в РФ). В 2014 году лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади провозгласил создание халифата. Хотя идеологическая платформа, на которой основывалась деятельность ИГИЛ ничем не отличалась от идеологии «Аль-Каиды» и других джихадистских группировок, но с точки зрения организационных принципов между ними были существенные различия. «Аль-Каида» была и остается транснациональной террористической сетью, ее ячейки действуют во многих странах мира, но к изначально провозглашенной цели создания всемирного халифата за все время своего существования она не приблизилась. ИГИЛ же с самого начала стал строиться как квазигосударственное образование, контролировавшее обширные территории в Ираке и Сирии. На этих территориях были установлены порядки, соответствующие исламистской идеологии.

Активизация деятельности ИГИЛ на фоне некоторого снижения авторитета «Аль-Каиды» привели к росту популярности «Исламского государства» у сторонников джихада во всем мире. В ИГИЛ устремились потоки добровольцев из стран Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, Западной Европы, Российской Федерации. Стремясь к территориальной экспансии, ИГИЛ использовало как традиционные террористические методы, так и широкомасштабные военные действия против своих противников. Очень скоро ИГИЛ стали рассматривать в качестве опасного врага и правительства арабских стран, и государства Запада, и Россия. Под эгидой США была создана большая, но довольно аморфная коалиция, провозгласившая своей целью борьбу с «Исламским го-

сударством». Одновременно РФ на основании обращения законного сирийского правительства начала оказывать ему прямую военную помощь в борьбе с многочисленной вооруженной оппозицией, среди которой заметное место занимало ИГИЛ. «Территоризация» идеи халифата обернулась против самих джихадистов. Они стали более удобной мишенью для регулярных вооруженных сил тех стран, которые воевали с ИГИЛ. В результате ударов, нанесенных ВКС России по объектам террористов в Сирии, а также действий других противников ИГИЛ, от его контроля освобождена значительная часть ранее захваченных исламистами территорий. Однако_ несмотря на некоторую эйфорию по поводу одержанных над ИГИЛ побед, говорить о ликвидации террористической угрозы на Ближнем Востоке преждевременно.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Военный разгром формирований «Исламского государства» в Сирии и Ираке не привел к исчезновению той идеологии, которой вдохновлялись ИГИЛ и другие террористические группировки на Ближнем Востоке. Никуда не исчезла «Аль-Каида», способная адаптироваться к меняющимся условиям и проявляться в тех или иных странах под разными названиями [Яшлавский, 2017]. Взаимоотношения между ИГИЛ и «Аль-Каидой», несмотря на идейную близость, складывались непросто, а иногда и конфликтно, поскольку они конкурировали на одном и том же пространстве. Отставной американский генерал Д. Петреус даже высказал «гениальную мысль» — использовать «Аль-Каиду» в борьбе с ИГИЛ. Но между боевиками-террористами, состоящими в названных организациях, нет принципиальных разногласий. Если в недавнем прошлом сторонники «Аль-Каиды» массово примыкали к «Исламскому государству», то сегодня наблюдается обратный процесс. Покинувшие Ирак и Сирию боевики, возвращаясь к себе на родину, вполне могут пополнять ряды местных структур «Аль-Каиды».

«Исламское государство» как террористическая организация полностью не разгромлено. На территории Ирака и Сирии еще есть места, остающиеся под контролем ИГИЛ. К тому же, создавая квазигосударственные структуры в ближневосточном регионе, ИГИЛ параллельно выстраивало террористическую сеть в других регионах мира. В то время когда усилия Российской Федерации и ряда других государств были направлены на разгром вооруженных структур ИГИЛ, его боевики готовили и совершали террористические акты вдали от территории Сирии и Ирака. Сегодня, когда тысячи приверженцев этой организации возвращаются в места своего постоянного проживания, опасность увеличения количества подобных акций возрастает. Нельзя исключить и того, что ИГИЛ может предпринять новые попытки «территоризации» на тех пространствах Ближнего Востока, где ослаблены или разрушены государственные институты. В качестве таких мест автор исследования «Халифат на войне» А. Хашим называет три страны: Ливию, Йемен и Сомали [Hashim, 2018, p. 294]. К ним можно добавить и Афганистан. Обычно угрозу терроризма в этой стране связывают с движением «Талибан» (организация запрещена в РФ). Но нельзя забывать,

что «Талибан» в этническом отношении является прежде всего пуштунской организацией, а пуштуны составляют только 40% населения Афганистана. В условиях сокращения иностранного военного присутствия в Афганистане и на фоне явной слабости официальной власти в Кабуле возможности для ИГИЛ активизировать свою деятельность в этой стране возрастают. А северные районы Афганистана с преимущественно непуштунским населением непосредственно примыкают к постсоветской Центральной Азии. При таком развитии событий ИГИЛ может стать более серьезной и реальной угрозой, чем в период его базирувания в Сирии.

На всем Ближнем Востоке в целом сохранение террористической угрозы обусловлено тем, что так и не устранены коренные причины, порождающие терроризм. В частности, не решены застарелые этнополитические проблемы ближневосточного региона, к которым, помимо палестинской, относится и курдская. По поводу тех территорий, на которых действовали и продолжает действовать ИГИЛ, справедливо мнение российского эксперта по вопросам противодействия исламскому экстремизму А. Яшлавского, который отмечает: «Для эффективной борьбы с террористами необходимо продолжение военных ударов по боевикам ИГИЛ в Сирии, Ираке и других странах. В то же время не менее важным представляется создание в освобожденных от ИГ зонах условий, препятствующих реваншу джихадистов (к таким условиям относятся возрождение экономики, установление верховенства закона, создание рабочих мест, учет интересов местного населения и т. д.). Силам, занимающимся антиэкстремистской деятельностью, следует активно продолжать противодействие пропаганде экстремистов, чтобы максимально снизить количество потенциальных сторонников группировки» [Яшлавский, 2018, с. 63]. При этом не следует забывать, что такие сторонники сегодня есть и далеко за пределами Большого Ближнего Востока. Как отмечал французский исламовед О. Руа, питательной средой для распространения исламского радикализма является молодое поколение мигрантов из мусульманских стран, проживающих на Западе. Оторвавшись от родной национальной почвы и не сумев полностью интегрироваться в новую социальную среду, они охотно воспринимают идеи радикального ислама, «ориентированного на сверхнациональное сообщество, мусульманскую умму» [Roу, 2003, р.63]. Не удивительно, что немалую часть боевиков ИГИЛ составляли граждане западноевропейских стран.

Таким образом, сегодня необходимо сохранять понимание высокой степени угрозы со стороны терроризма, тем более что он превратился в транснациональный феномен, представляющий опасность независимо от того, действуют ли террористы на Ближнем Востоке или в любом другом регионе мира.

Литература

Дершовиц А. Почему терроризм действует. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 256 с.

Иванов С. Ближний Восток и суннитско-шиитские противоречия // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 86–94.

Ланцов С.А. Этнический терроризм и борьба за национальное освобождение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Международные отношения. 2008. Вып. 1. С. 25–31.

Сафонов А. Враг не родился 11 сентября, он, скорее, просто встал в полный рост // Международная жизнь. 2007. № 12. С. 72–81.

Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. М.: ЛЕНАНД, 2006. 56 с.

Трофимов Д. Ислам: между Аверроэсом и аль-Багдади // Международная жизнь. 2017. № 6. С. 150–172.

Успенский Ю.И. Политический ислам: проигранные сражения. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019. 272 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. 603 с.

Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри = Inside terrorism. М.: Ультра. Культура, 2003. 264 с.

Яшлавский А. После “халифата”: какое будущее ждет ИГИЛ? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 12. С. 55–63.

Яшлавский А. “Аль-Каида”: старое зло в новом обличье // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 7. С. 27–34.

Яшлавский А. Идеология салафитского джихадизма как тоталитарный проект // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4. С. 71–78.

Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and The West. London, 1999. 996 p.

Beverly Milton-Edwards. Islamic Politics in Palestine. London: I. B. Tauris, 1996. 256 p.

Hashim A. S. The Caliphate at War: Operational Realities and Innovations of the Islamic State. New York: Oxford University Press, 2018. 392 p.

Marighella C. Minimanual of the Urban Guerrilla. 1969. Marxists Internet Archive. Marxism and Walfare. M. I. A. Library. URL: <http://www.marxists.org/archive/marighella-carlos/1969/06/mini-manual-urban-guerrilla/> (дата обращения: 20.04.2019).

Roy O. Euroislam: The Jihad Within? // The National Interest. 2003. Spring. P. 63–74.

Ланцов Сергей Алексеевич — д-р полит. наук, проф.; s_lantsov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 10 октября 2019 г.;

рекомендована в печать: 17 апреля 2020 г.

Для цитирования: Ланцов С.А. Терроризм на Ближнем Востоке: основные этапы эволюции // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 2. С. 282–292. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.206>

TERRORISM IN THE MIDDLE EAST: MAIN STAGES OF EVOLUTION

Sergey A. Lantsov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; s_lantsov@mail.ru

The article discusses the main stages of the evolution of terrorism in the Middle East from the 40s of the 20th century to the beginning of the 21st century. It is noted that terrorism as a political technology of using violence to achieve its goals was introduced to the Middle East from Europe after World War II. Ideological origins of terrorism in the 60–70s of the 20th century are analyzed. It is emphasized that during this period left-wing ideas had great popularity all over the world and in the Middle East. On the basis of ideological proximity, there was cooperation between some Palestinian organizations and left-wing extremist groups operating in other regions of the world. It is stated that at the end of the 20th century, in connection with the decline of the influence of radical leftist ideas, Islamic terrorism became the main type of terrorism in the Middle East. A compara-

tive analysis of the characteristics of the activities of such terrorist organizations as Al-Qaeda and the Islamic State is given. It is noted that with a common ideological platform, there were structural and organizational differences between them. It is pointed out that Al-Qaeda is characterized by an internal contradiction between the ultimate goal — the creation of a world caliphate and the network principle of activity. The “Islamic State” overcame this contradiction by “territorialization” in Iraq and Syria. As a “quasi-state” entity, ISIS has become vulnerable to counter-terrorism. The final part of the article discusses the main ways of countering terrorism in the Middle East in modern conditions.

Keywords: the Middle East, terrorism, left radicalism, right radicalism, Islam, Jihad, Caliphate, Al-Qaeda, Islamic State.

References

- Andrew C., Mitrokhin V. *The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and The West*. London, 1999, 996 p.
- Beverley Milton-Edwards. *Islamic Politics in Palestine*. London, I. B. Tauris, 1996, 256 p.
- Dershovic A. *Why terrorism works*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2005, 256 p. (In Russian)
- Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Moscow, AST Publ., 2005, 603 p. (In Russian)
- Hashim A. S. *The Caliphate at War: Operational Realities and Innovations of the Islamic State*. New York, Oxford University Press, 2018, 392 p.
- Hoffman B. *Inside terrorism*. Moscow, Ul'tra. Kul'tura, Publ., 2003, 264 p. (In Russian)
- Ivanov S. The Middle East and Sunnite-Shiite contradictions. *International Affairs*, 2015, no. 12, pp. 86–94. (In Russian)
- Jashlavskij A. After “The Caliphate”: What Is the Future Of Isis? *World Economy and International Relations*, 2018, no. 12, pp. 55–63. (In Russian)
- Jashlavskij A. Al-Qaeda: Old Evil in New Appearance. *World Economy and International Relations*, 2017, no. 7, pp. 27–34. (In Russian)
- Jashlavskij A. Ideology of Salafi Jihadism as Totalitarian Project. *World Economy and International Relations*, 2013, no. 4, pp. 71–78. (In Russian)
- Lantsov S. A. Ethinc Terrorism and Fight for National Liberation. *Vestnik of Saint Petersburg University, Series 6, Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2008, iss. 1, pp. 25–31. (In Russian)
- Marighella C. *Minimanual of the Urban Guerrilla*. 1969. Marxists Internet Archive. Marxism and Walfare. M. I. A. Library. Available at <http://www.marxists.org/archive/marighella-carlos/1969/06/minimanual-urban-guerrilla/> (accessed: 20.04.2019).
- Safonov A. The Enemy was not Born on September 11, rather, he just Stood up to His Full Height. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2007, no. 12, pp. 72–81. (In Russian)
- Solov'ev Je. G. *Transformation of the Terrorist Organizations in the Context of Globalization*, Moscow, LENAND Publ., 2006, 56 p. (In Russian)
- Trofimov D. Islam: between Averroës and al-Baghdadi. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2017, no. 6, pp. 150–172. (In Russian)
- Uspenskii Yu. I *Political Islam: the Lost Battles*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnikov izdani Publ., 2019, 272 p. (In Russian)

Received: October 10, 2019

Accepted: April 17, 2020

For citation: Lantsov S. A. Terrorism in the Middle East: Main stages of evolution. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 282–292. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.206> (In Russian)